

Д. Л. Тесленко

О постмариупольских/квитяньских погребениях в каменных гробницах

Проблема культурной принадлежности степных энеолитических памятников в современной науке остается одной из наиболее дискуссионных, о чем свидетельствует динамика предлагаемых в последнее время культурно-исторических интерпретаций. Одним из признаков эпохи является присутствие погребений в каменных гробницах среди памятников всех степных энеолитических культурных групп. Тем не менее требует исследования как проблема появления данной черты обряда в погребальной практике степных племен, так и вопрос о том, какие стороны социальной организации общества она призвана была отразить. Настоящая работа посвящена группе энеолитических «вытянутых» захоронений Восточной Европы, совершенных в каменных ящичных гробницах.

Группа включает девять захоронений, большая часть которых сосредоточена на территории, ограниченной междуречьем Днепра и Ингульца, южнее широты современного г. Запорожье. Четыре из них — группа Богдановского карьера, к. 2, п. 17, к. 2 п. 3 (рис. 1, 1–3); группа Шевченковского карьера, к. 1, п. 1 (рис. 2, 3); группа Покровского карьера, к. 18, п. 7 (рис. 3, 1), — исследованы в низовьях р. Базавлук при впадении ее в Днепр. Одно (Марьевка, к. 14, п. 7) — в междуречье Днепра и его правого притока Томаковки (рис. 1, 4) [1; 2]. Два захоронения (Латовка, к. 1, п. 10¹; Валовое, к. 1, п. 7²) были раскопаны в среднем течении Ингульца и еще одно (Висунск, к. 1, п. 35³) — в нижнем течении. Наконец, в сводке постмариупольских/квитяньских погребений Ю. Я. Рассамкиным [3] учитывается и ограбленная гробница из Приазовья (Константиновка, к. 1, п. 1) (рис. 4) [4, с. 308–309; 5, с. 44–45, рис. 14]. В предлагаемый перечень может быть включено и «вытянутое» погребение в каменной гробнице из кургана «Царева могила». Памятник был исследован в начале XX в. на Криворожье В. И. Гошкевичем и требует дополнительного источниковедческого анализа.

В курганах «вытянутые» погребения в каменных гробницах были как основными, так и впускными. Связанные с основными захоронениями насыпи отличаются по размеру. Их высота варьирует от 1 до 2 м, диаметр — от 10 до 26,5 м. Наименьшая высота (0,5 м) отмечена для первичной насыпи, перекрывавшей комплекс из трех энеолитических погребений, в том числе и в каменной гробнице: группа Покровского карьера, к. 18 [2, с. 37].

Впускные захоронения обнаружены в двух курганах. В кургане 2 группы Богдановского карьера исследованы три энеолитических погребения. Основное погребение № 25 оказалось разрушено. Два впускных захоронения № 3 и 17 произведены в каменных

¹ Раскопки М. М. Никитенко, 1971 г. Материал не опубликован.

² Раскопки А. А. Мельника, 1978 г. Материал не опубликован.

³ Раскопки О. Г. Шапошниковой, 1977 г. Материал не опубликован.

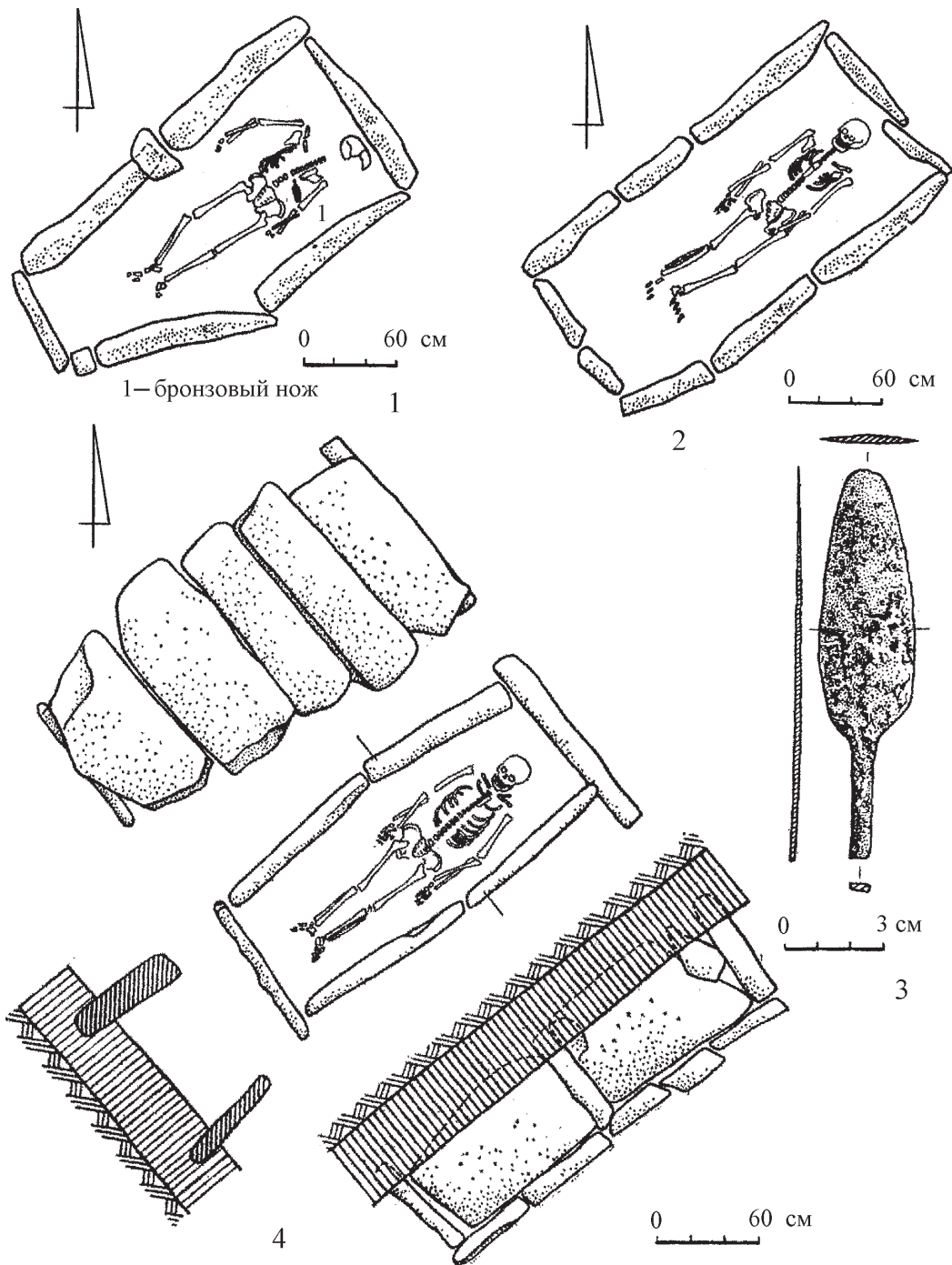

Рис. 1. Постмариупольские/квитяньские погребения в каменных гробницах:

1 — план погребения к. 2, п. 3 группы Богдановского карьера; 2 — план погребения к. 2, п. 17 группы Богдановского карьера; 3 — бронзовый нож к. 2, п. 3 группы Богдановского карьера; 4 — план и разрез погребения Марьевка, к. 14, п. 7 (по: *Николова А. В., Рассмакин Ю. Я., 1985*)

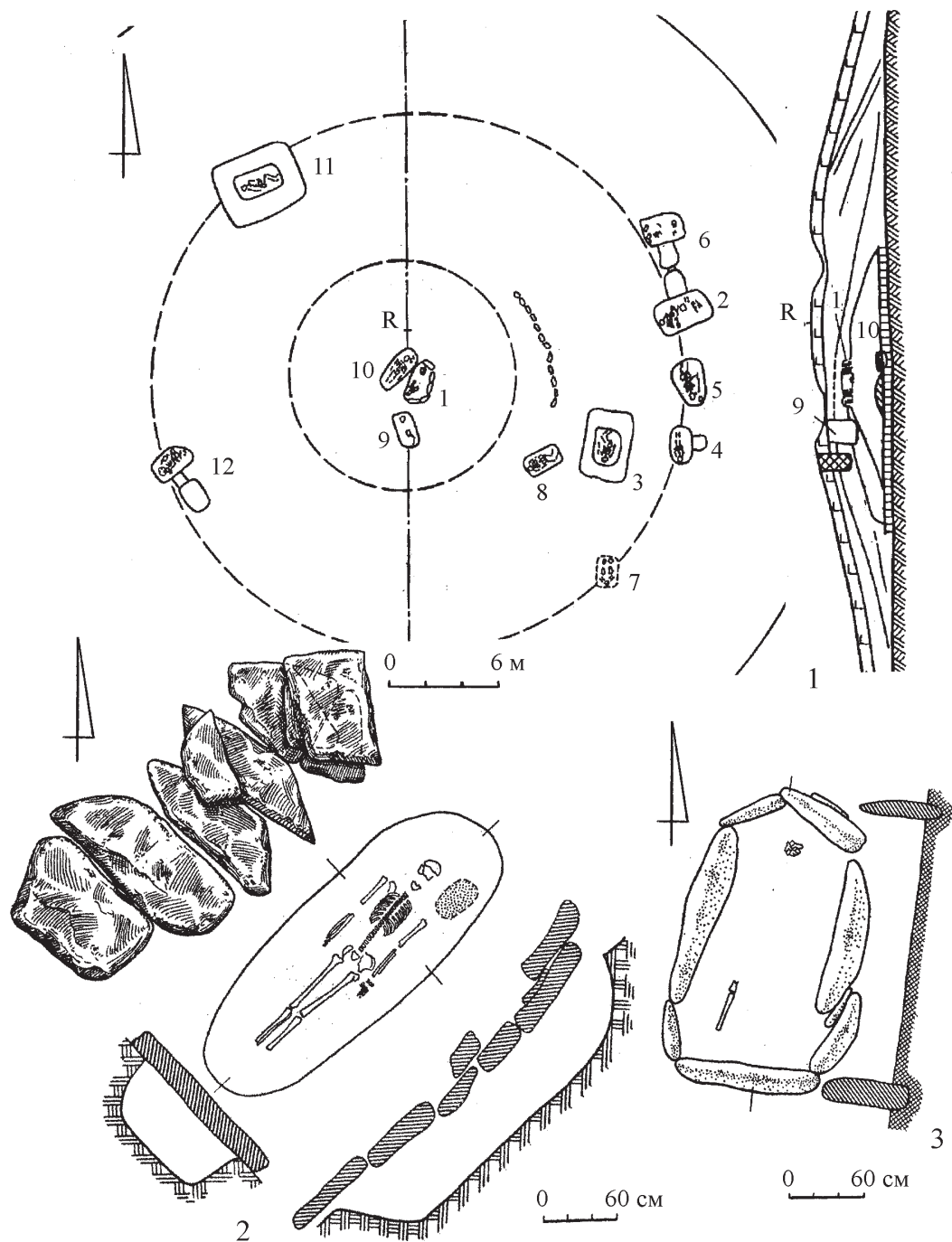

Рис. 2. Курган 1 группы Шевченковского карьера:

1 — общий план и разрез кургана; 2 — план и разрез основного п. 10; 3 — план и разрез каменной гробницы п. 1
 (по: Николова А. В., Рассмакин Ю. Я., 1985)

гробницах. К сожалению, из публикации неясен размер первичного кургана, место расположения впускных погребений и величина досыпки над ними [1].

Еще один комплекс относится к группе Шевченковского карьера к. 1 (рис. 2, 1). Первичная насыпь этого кургана, высотой 1,65 м и диаметром 12 м сооружена для основного погребения № 10, которое было совершено в яме «ладьевидной» в плане формы, размером 2,7×1 х 0,8 м, ориентированной по оси СВ–ЮЗ. В состав перекрытия входили шесть уложенных поперек могилы плит и несколько небольших камней. Скелет взрослого лежал вытянуто на спине, черепом на СВ. Охра окрашивала отдельные кости погребенного. Слева от черепа находилось аморфное скопление охры (рис. 2, 2). Инвентарь отсутствовал [1, с. 38–42, табл. 1, рис. 3, 6.1]. Каменная гробница погребения № 1 была установлена на вершине первичного кургана. Досыпка над ним увеличила высоту кургана до 1,8 м и диаметр до 18 м [1, табл. 1, рис. 3].

Показательным элементом архитектуры рассматриваемых памятников являются кромлехи. Кромлех, диаметром 10,5 м, сооруженный из вертикально вкопанных плит, окружал основное погребение в Марьевке, к. 1. Подобная конструкция зафиксирована и в Валовом, к. 1, однако диаметр кромлеха (30 м) значительно превышающий диаметр первичной насыпи, не исключает его связи с более поздними конструктивными изменениями кургана. В группе Шевченковского карьера, к. 1 сохранилась лишь часть кромлеха, окружавшая с СВ вторую насыпь, перекрывшую погребение в каменной гробнице. Наконец, кромлех в Латовке, к. 1 представлял собой кольцо из камней, произвольно уложенных на древний горизонт.

Насыпь или досыпка перекрывала как одно захоронение в гробнице, так и несколько основных или впускных погребений. В Латовке, к. 1, п. 10, Марьевке, к. 14, п. 7, Висунске, к. 1, п. 35 и, судя по всему, Константиновке, к. 1, п. 1 погребения в каменных гробницах занимали основное положение и были единственными энеолитическими в кургане. В сооруженные над ними насыпи были впущены ямные захоронения.

В комплекс основных группы Покровского карьера, к. 18, помимо гробницы погребения № 7, входили еще два захоронения (рис. 3, 1). Погребение № 11 было совершено в вытянутой по оси В–З узкой овальной яме, размером 1,95×0,6×0,5 м. По сохранившимся *in situ* костям авторы публикации предполагают, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на В. У черепа фиксировалось пятнышко охры красно-бурого цвета (рис. 3, 2). Третье основное погребение № 10 также находилось в узкой овальной широтно-ориентированной яме, перекрытой деревянными плашками, на которые был уложен каменный заклад. В могиле, размером 1,5×0,7×0,5 м, находилась частично сохранившийся скелет погребенного, уложенного скорченно на левом боку, головой на В. Дно и кости скелета были окрашены охрой красно-бурого цвета. В сооруженную для основных погребений насыпь были впущены два животиловских погребения (рис. 3, 3–8) [2, с. 38–42, рис. 1, 2].

По-видимому, три основных погребения составляли единый комплекс в Валовом, к. 1. Одно из погребений (п. 8) оказалось разрушенным, в другом (п. 5) находился вытянутый на спине скелет погребенного, ориентированный черепом на ЮЗ. Он сопровождался остатками деревянного сосуда и формованными кусками розовой охры. Вероятно, каждое из погребений сопровождалось конструктивными досыпками, а в дальнейшем весь комплекс был перекрыт окруженной кромлехом насыпью. В последнюю были впущены ямные захоронения.

В насыпи, сооруженные над впускными погребениями в каменных гробницах — группа Шевченковского карьера, к. 1, п. 1, группа Богдановского карьера к. 2, пп. 3, 17 — также были впущены ямные погребения.

Имеющиеся данные позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся архитектуры гробниц. Количество плит, использованных при сооружении стен, колеблется от шести до девяти. Последние вкапывались в грунт или устанавливались на поверхности. Щели между плитами заполнялись мелкими камнями. Плита поперечной стены

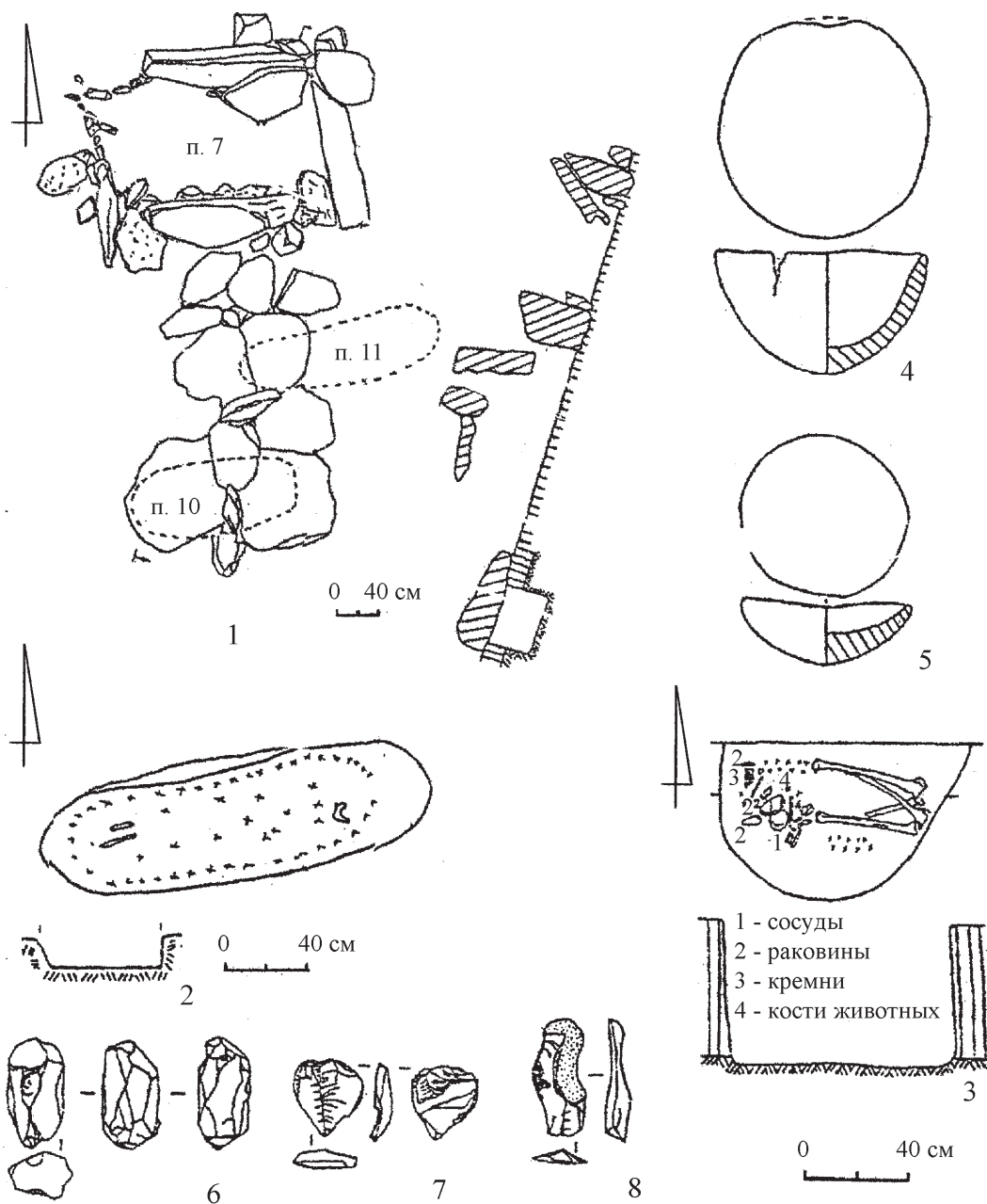

Рис. 3. Погребения и инвентарь кургана 18 группы Покровского карьера:

1 — план и разрез основных погребений; 2 — план и разрез п. 11; 3 — план и разрез п. 16; 4, 5 — сосуды из п. 16; 6–8 — кремневый нуклеус и орудия из п. 16 (по: Рассмакин Ю. Я., Куприй С. А., 2001)

гробницы Марьевка, к. 14, п. 7 имела паз для соединения с плитой продольной стены. Длина гробниц варьирует в пределах 2,8–2,1 м, ширина 0,8–1,7 м, высота 0,55–0,7 м.

Особенность рассматриваемых гробниц — принцип поперечного перекрытия, включающего 3–5 подпрямоугольных плит, среди которых встречаются и стеловидные камни. В одном случае (Валовое, к. 1, п. 7) зафиксирован воздвигнутый над гробницей куполовидный заклад, состоящий из 3–4 слоев плит. Дно гробниц обычно оставалось земляным, лишь однажды (Висунск, к. 1, п. 35) на дно была уложена прямоугольная известняковая плита.

В шести гробницах сохранились вытянутые на спине скелеты, однако только троих погребенных уложили с вытянутыми вдоль тела руками и прямыми по всей длине ногами. Определенные отклонения отмечены в Валовом, к. 1, п. 7, где кости ног скелета были расставлены в стороны. В погребении № 3 кургана 2 у Богдановского карьера правая рука погребенного была отведена в сторону в плечевом суставе, а в погребении № 17 того же кургана кисть левой руки находилась на тазовых костях (рис. 1, 1, 2). Ориентировка погребенных различна, но в большинстве случаев умерших укладывали головой на северо-восток и восток. Лишь однажды (Валовое, к. 1, п. 7), отмечена юго-западная ориентировка скелета. Разрушенная гробница Покровский карьер, к. 18, п. 7 была ориентирована широтно, а в Константиновке, к. 1, п. 1 — меридианально.

В погребальном обряде рассматриваемых памятников отмечено достаточно активное и разнообразное использование охры. Степень окраски скелетов различна. Зафиксирована как интенсивная окраска останков, так и случаи окраски отдельных частей скелета. Кроме того, дважды (Марьевка, к. 14, п. 7; Висунск, к. 1, п. 35) охра наблюдалась на стенах гробницы, также ею наносились пятна на дно (Покровский карьер, к. 18, п. 7; Валовое, к. 1, п. 7). Наконец, в Латовке, к. 1, п. 10 по углам гробницы в головах погребенного находились два изделия из формованной охры. Также безусловный интерес представляют зафиксированные на нижней челюсти погребенного в Марьевке, к. 14, п. 7 остатки смолы.

Инвентарь найден в трех погребениях и представлен керамическим сосудом, изделиями из металла, каменным топором-молотом и топором-клевцом, кремневыми орудиями и наконечниками стрел.

Сосуд из Константиновки, к. 1, п. 1 (рис. 4, 1) Б. Д. Михайловым был отнесен к посуде «майкопского типа», да и само погребение, исходя из инвентаря, определялось как майкопское [4, с. 308]. С таким определением согласилась и А. Л. Нечитайло [5, с. 45]. Ю. Я. Рассамакин считает данное погребение квилянским, а сосуд из него — «импортом или же влиянием более южных, «нижнемихайловских традиций», так как эта посуда распространена в той области, где «вытянутые» погребения представляют лишь часть смешанных локальных явлений» [3, с. 157, рис. 14].

Изделия из металла представлены бронзовым ножом (рис. 1, 3) узкой листовидной формы (Богдановский карьер, к. 2, п. 3) и небольшой пластиной (Валовое, к. 1, п. 7). Бронзовый нож относится исследователями памятника к IV группе ножей, по классификации С. Н. Кореневского, широко известных в ямных памятниках [1, с. 47–48, рис. 7. 5].

Находки каменных изделий включают амфиболитовый топор-молот с парой поперечных ободков — нервюр (Валовое, к. 1, п. 7) и нефритовый топор-клевец (рис. 4, 5) (Константиновка, к. 1, п. 1). По мнению Ю. Я. Рассамакина, предложившего для этой категории изделий термин «навершия кичкасского типа», появление топоров-молотов в «вытянутых» погребениях произошло под влиянием позднетрипольского населения Среднего Поднепровья [6, с. 31–32]. С этой точкой зрения, как собственно и с новым термином, не согласна И. Ф. Ковалева, относящая топоры-молоты к культуурообразующим признакам постмарииупольской культуры [7, с. 82; 8, с. 54, 63]. Топор-клевец из Константиновки, по мнению А. Л. Нечитайло, имеет майкопскую форму [5, с. 45]. В свою очередь с этим не согласился Ю. Я. Рассамакин. Приводя в качестве примера

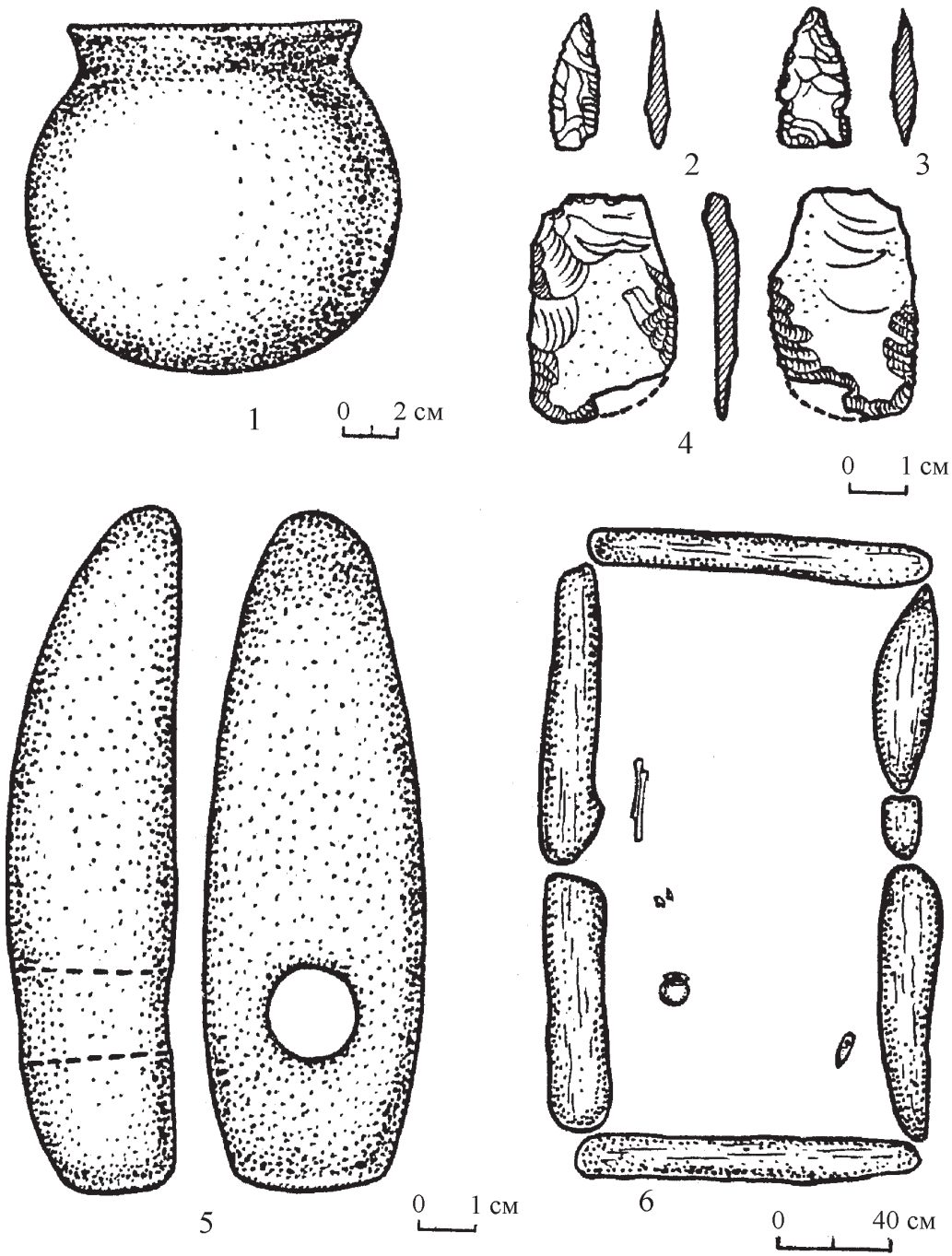

Рис. 4. Константиновка, к. 1, п. 1:

1 – сосуд из п. 1; 2–3 – кремневые наконечники стрел из п. 1; 4 – кремневое орудие из п. 1; 5 – нефритовый топор-клевец из п. 1; 6 – план гробницы п. 1 (по: Нечитайло А. Л., 1991)

С
Т
А
Т
Ь
И

предположение В. И. Ключко и А. Кошко о балканском происхождении молотков-клевцов, автор говорит о единых истоках всех вариантов наветренных, оставляя открытым вопрос об их происхождении и культурной принадлежности [6, с. 32].

Изделия из кремня представлены кремневым ножом (Валовое, к. 1, п. 7), а также кремневым орудием и двумя наконечниками стрел (рис. 4, 2–4) (Константиновка, к. 1, п. 1). Последние представляют особый интерес: один из них имеет выемки с боков, второй — флажковидный. По мнению опубликовавшей данный комплекс А. Л. Нечитайло, обе формы характерны для майкопской культуры [5, с. 45].

Наконец, погребенный из Валового, к. 1, п. 7 сопровождался деревянным посохом.

Проблема интерпретации постмайкопольских/квитянских погребений в каменных гробницах, сосредоточенных главным образом в междуречье Днепра и Ингульца, напрямую связана с пониманием специфики энеолитических памятников данной территории. Впервые на их своеобразии обратила внимание Л. П. Крылова, предложившая после исследования криворожских курганов, и в первую очередь Широкое, к. 1, объединить «вытянутые» и «скорченные» энеолитические погребения в ингулецкую культурную группу [9, с. 31]. В дальнейшем к материалам памятников этой территории обращались Д. Я. Телегин, О. Г. Шапошникова, В. Г. Збенович [см. анализ: 1, с. 37–39].

Остановимся на современном состоянии проблемы. Анализ накопленных к середине 80-х гг. прошлого столетия источников позволил А. В. Николовой и Ю. Я. Рассмакину предположить существование серии культурно и хронологически нерасчленимых энеолитических погребений, синхронных позднейшим фазам Триполья. В погребальном обряде и инвентаре этих захоронений сочетались черты различных культурных групп. Так, например, от «нижнемихайловских» памятников они унаследовали каменные конструкции, формы могил, положение скелета, специфическую керамику и т. д. Соответственно, обряд «вытянутых» погребений представлен формой могильных сооружений, положением скелета, специфическими изделиями из охры. Третьей составляющей, свидетельствующей о контактах с трипольским населением, предлагалось считать антропоморфные статуэтки «серезлиевского» типа, а также использование в обряде бычьих черепов для сооружения кромехов [1, с. 53–54].

По мнению авторов, территория степного Правобережья Днепра в позднем энеолите являлась контактной зоной для носителей нескольких культурных групп. И если на более ранних ступенях еще можно говорить об их выделении, то на заключительном этапе, четко зафиксированном хронологически находками антропоморфных статуэток, наблюдается их слияние [1, с. 54]. В результате интеграции различных культурных групп образовалось «новое культурное явление», характеризующееся разнородностью погребального обряда и синкретизмом инвентаря. Доказательством культурно-хронологического единства памятников, согласно исследованиям авторов, является наличие могильников (Широкое, к. 1; Чкаловская, к. 3 и т. д.), состоящих из одновременных, но разнотипных погребений, сопровождающихся однотипными категориями инвентаря [1, с. 55]. Контакты степного энеолитического населения с поздним трипольским на заключительном этапе претерпевают качественные изменения, «определившее во многом специфику памятников всего Днепро-Правобережья» [1, с. 55].

Наконец, уделим внимание еще двум выводам, представляющим для нашего исследования особый интерес. Первый касается невозможности выделения «для указанного времени на территории Правобережья... памятников, относящихся к отдельной культуре». Второй — предположение об экспансии ямной культуры на запад как наиболее важной причине консолидации энеолитического населения на Правобережье Днепра [1, с. 55].

В дальнейшем для данного «синкретического культурного явления» Ю. Я. Рассмакиным был предложен условный термин «днепро-бугская группа», ввиду того, что процесс сложения новой культуры остался незавершенным [10, с. 20]. Древности днепро-бугской группы были включены в один хронологический горизонт с памятниками

позднего Усатова, животиловского типа и VI группой погребений Нижнего Подонья (по В. Я. Кияшко) «как памятники синхронные и имеющие в разной степени общие черты в погребальном обряде и инвентаре» [10, с. 21]. Здесь необходимо сделать важное с историографической точки зрения замечание: к моменту выделения днепро-бугской группы на данной территории еще не были известны четко определяемые животиловские комплексы.

Со временем была предложена более точная локализация памятников, отвечающих характеристикам днепро-бугской группы. Территория их распространения ограничивалась достаточно узкой полосой «в пределах междуречья Днестра и Ингульца» [2, с. 41], включая Никопольский и Криворожский микрорегионы. Наконец, сегодня выделяется еще один, четвертый — «постстооговский» — компонент днепро-бугской группы [11, с. 84].

Итак, что же представляет собой днепро-бугская группа в настоящее время? Надо полагать, что это своеобразное культурное явление, наблюдающееся в достаточно узкой зоне контакта нескольких культурных групп. Интеграционный процесс на заключительном этапе энеолита охватил население, оставившее постмариупольские/квитяньские, нижнемихайловские, «постстооговские» памятники в условиях ощутимого трипольского влияния. Это отразилось в погребальном обряде (существование могильников с одновременными разнотипными погребениями; общность архитектурных элементов, включая использование каменных конструкций; особенности применения охры) и инвентаре (технологическими и морфологическими особенностями керамики, включающей, по-видимому, трипольские импорты и подражания; находками топоров-молотов, а также статуэток т. н. «серезлиевского» типа). Процесс образования новой культуры остался незавершенным, но при этом вряд ли возможно отнесение памятников этого времени к какой-либо из других известных культурных групп.

Настолько подробная характеристика днепро-бугской группы в интерпретации А. В. Николовой и Ю. Я. Рассасакина потребовалась ввиду предложенного в последних работах И. Ф. Ковалевой территориального членения постмариупольской культуры [7; 8]. Исследовательница, оперируя практически теми же самыми материалами (Широкое, к. 1; Чкаловская, к. 3; а также Зеленый Гай, к. 6), выделяет «днепро-бугскую группу постмариупольской культуры», памятники которой расположены к западу от устья Базавлука и вплоть до среднего и нижнего течения Южного Буга. Специфика погребений, содержащих вытянутые и скорченные скелеты, объясняется, во-первых, семейно-родовым характером могильников, на что указывает преобладание в них детских могил; во-вторых, существованием брачных связей между группами населения, с вытянутым и скорченным обрядом трупоположения [8, с. 61].

Некоторые категории инвентаря, в первую очередь статуэтки «серезлиевского» типа, И. Ф. Ковалева считает культуроспецифическими для «днепро-бугской («широковской» — по Л. П. Крыловой) локальной группы постмариупольской культуры» [12, с. 120]. Вместе с тем, находки пластики в «скорченных» захоронениях свидетельствуют о хронологической, но не культурной близости этих погребений постмариупольским. Специфика позднеэнеолитических памятников Буго-Днепровского междуречья во многом определяется «общностью хозяйственной деятельности и идеологических представлений взаимодействовавшего с Триполем населения Лесостепи и Степи» [12, с. 120–121].

И. Ф. Ковалева не согласна с положением о невозможности выделения на данной территории памятников, относящихся к отдельной культуре. Какова же в таком случае культурная принадлежность синхронных или даже перекрытых одной насыпью с постмариупольскими захоронений, но скорченных на спине или на боку? Например, погребения кургана 6 у с. Зеленый Гай, не содержащие «вытянутых» скелетов, предлагается считать «условно нижнемихайловскими» или «широчанскими», что, по мнению И. Ф. Ковалевой, «наиболее точно передает их специфику, впервые установленную раскопками Л. П. Крыловой и в дальнейшем запутанную Д. Я. Телегиным, объединивших

скорченные «широчанские» погребения с вытянутыми постмариупольской культуры» [13, с. 79].

Но насколько правомерно культурное противопоставление «вытянутых» и «скорченных» захоронений, которые входят в состав единых «семейно-родовых могильников»? Вопрос тем более важен, что существуют достаточно многочисленные погребения, к которым приложимы все характеристики «днепро-бугской группы постмариупольской культуры» за исключением «вытянутого» положения скелета. Наконец, чем отличается специфика этой группы, кроме абсолютизации «вытянутого» труположения, от специфики «днепро-бугской позднеэнеолитической группы» в интерпретации А. В. Николовой и Ю. Я. Рассамакина? Да и само дублирование термина усиливает путаницу.

Какое же место занимают постмариупольские/квитянские погребения в каменных гробницах в системе днепро-бугских — в территориальном и временном понимании — древностей? Оставим в стороне проблемы происхождения и культурной принадлежности некоторых категорий инвентаря, тем более, что они уже находятся в центре внимания исследователей [6; 12; 14; 15]. Отметим только, что имеющиеся артефакты свидетельствуют об относительно позднем (конец Триполья С II) хронологическом положении рассматриваемых захоронений. Находка амфиболитового молота дает основания для их синхронизации с Софиевкой, датирующейся по радиоуглеродным калиброванным датам первой четвертью III тыс. до н. э. [16, р. 268–269]. Бронзовый нож, как указывалось выше, имеет ближайшие аналогии в ямных памятниках. Да и архитектура гробниц, включающая наличие пазов на стенах, плит на дне, окраски стен, близка стандартам ямного времени.

Одним из показателей синкретизма погребального обряда позднеэнеолитических памятников Днепро-Бугского междуречья считается наличие каменных конструкций, связанных с разнотипными захоронениями [1, с. 53–55]. Первоначально эта черта связывалась с обрядом «нижнемихайловских» погребений, однако подобный подход, на мой взгляд, требует уточнения. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что появление первых кромлехов может быть отнесено ко времени Триполья В II–С I, С I и на этих этапах действительно связано с кругом памятников типа Хаджидер, согласно В. Г. Петренко [17, с. 17], бессарабского варианта Чернавода I, по И. В. Манзуре [18, р. 28–30], или раннего этапа нижнемихайловской культуры, по Ю. Я. Рассамакину [19, р. 92]. Первые каменные гробницы, если не считать таковыми облицованные камнем ямы новоданиловского времени, появляются лишь в позднем энеолите и представлены синхронными Триполью С II памятниками. Причем в это время кромлехи, каменные гробницы и, судя по всему, стелы получают широкое распространение среди всех степных культурных групп на территории, значительно большей, чем днепро-бугское междуречье [20, с. 37–38]. Наверное, для позднего энеолита в Правобережье Днепра присутствие в погребальном обряде каменных конструкций скорее можно считать признаком «надкультурным», свидетельством распространения в степной зоне «стандартов и эталонов, выполняющих престижную функцию» на уровне «...мировоззренческих установок и концепций» [21, с. 6–7]. Истоки последних находились, очевидно, за пределами степного мира.

В пользу сказанного свидетельствуют традиционно считающиеся престижными находки, значительные трудовые затраты на устройство погребения и насыпи, попытки моделирования лица (?), т. е. комплекс черт, которые традиционно рассматриваются как показатель социальной неординарности погребенных. Учитывая, что за редким исключением (Покровский карьер, к. 18), в курганах с «вытянутыми» погребениями в каменных гробницах не встречаются захоронения других культурных групп, можно предположить следующее. В позднем энеолите в Буго-Днепровском междуречье наряду с курганами, содержащими одновременные и разнотипные погребения, существовали и постмариупольские/квитянские могильники с захоронениями индивидов, имеющих высокий социальный статус.

Пожалуй, последнее справедливо и для памятников, представляющих другие культурные традиции. В качестве примера можно привести «постстоговский», по терминологии Ю. Я. Рассмакина, комплекс из Каменки, гр. 5, к. 3, отличающийся сложной архитектурой насыпи и необычным инвентарем единственного энеолитического в кургане основного погребения [22, с. 4–6].

Как соотносятся эти предположения с рассмотренными выше концепциями днепробугских групп? Очевидно, на этапе Триполья С II на территории Буго-Днепровского междуречья происходило активное взаимодействие нескольких культурных групп на фоне контактов с трипольским миром. Существование могильников типа (Широкое, к. 1; Чкаловская, к. 3; Зеленый Гай, к. 6 и т. д.) действительно говорит в пользу культурного слияния нескольких групп степного населения. Однако этот процесс, надо полагать, не только происходил на достаточно узком пространстве, но и был ограничен хронологически. Как показали исследования последних лет, заключительный этап энеолита в Правобережье Днепра, как и на сопредельных территориях, представлен живоитловскими памятниками (Усть-Каменка, к. 1, п. 34 [23, с. 61–62]; Ингулец, «Дубовая могила», п. 15 [13, с. 90–91, 96]; Покровский карьер, к. 18, п. 9, п. 16 [2, с. 38–42]), занимающими, как и везде, промежуточное стратиграфическое положение между другими энеолитическими и ямными памятниками.

Существование на одной территории курганов, содержащих погребения как с синкретическими, так и, в известной степени, «чистыми» обрядовыми признаками свидетельствует не только о незавершенности формирования новой культуры, но и о том, что в интеграционные процессы включилась только часть древних коллективов. Не исключено, что элита степных групп оказалась незатронутой (а если затронутой, то в значительно меньшей степени) этими процессами. Можно согласиться с мнением Ю. Я. Рассмакина о необходимости уточнения характеристик памятников днепробугской группы [15, S. 161]. Представляется, что более детальный анализ курганных памятников этой территории позволит реконструировать механизмы коммуникации между культурными группами позднего энеолита, отраженные в погребальной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николова А. В., Рассмакин Ю. Я.* О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра//СА. — 1985. — № 3.
2. *Рассмакин Ю. Я., Куприй С. А.* Новые позднеэнеолитические погребения степного Днепровского Правобережья//АВУ 1999–2000 рр. — К., 2001.
3. *Рассмакин Ю. Я.* Квитянская культура: история и современное состояние проблемы//Stratum plus. — 2000. — № 2.
4. *Михайлов Б. Д.* Раскопки на р. Молочной//АО 1973 г. — М., 1974.
5. *Нечитайло А. Л.* Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы/АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. И. И. Артеменко. — К., 1991.
6. *Рассмакин Ю. Я.* Каменные навершия кичкасского типа как связующее звено позднеэнеолитических памятников Среднего и Нижнего Поднепровья//Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. науч. конф. (Харьков, 16–18 мая 2001 г.). — Х., 2001.
7. *Ковалева И. Ф.* К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре//XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001.
8. *Ковалева И. Ф.* К выделению территориальных групп в постмариупольской культуре//Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н. Я. Мерперта: Сб. статей. — М., 2002.

9. *Кривола А. П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964–1966 рр.//Наш край: Зб. праць з археології, історії та музеєзнавства/Гол. ред. Г. Ф. Ватченко. — Дніпропетровськ, 1971.
10. *Рассамакин Ю. Я.* Относительная хронология позднеэнеолитических погребений бассейна р. Молочная//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины: Сб. науч. трудов/Отв. ред. О. Г. Шапошникова. — К., 1988.
11. *Рассамакин Ю. Я., Евдокимов Г. А.* Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения «постстоговских» погребений//Археологический альманах. — Донецк, 2001. — № 10.
12. *Ковалева И. Ф.* Зеленогайский комплекс антропоморфной пластики: культурная принадлежность и семантика//Курганы энеолита–бронзы в Криворожском течении Ингульца: Моногр./И. Ф. Ковалева, З. П. Марина, В. А. Ромашко, Д. Л. Тесленко, В. Н. Шалобудов, В. А. Векленко. — Днепропетровск, 2003.
13. *Курганы энеолита–бронзы в криворожском течении Ингульца: Моногр./И. Ф. Ковалева, З. П. Марина, В. А. Ромашко, Д. Л. Тесленко, В. Н. Шалобудов, В. А. Векленко.* — Днепропетровск, 2003.
14. *Ковалева И. Ф.* К вопросу о культурной принадлежности антропоморфной пластики «серезлиевского типа»//Вісник Дніпропетровського університету. Історія та археологія. — Вип. 8: Тези та доповіді учасників міжнар. наук. конф. «Історичне джерелознавство в інформаційному суспільстві» (Дніпропетровськ, 18–20 жовтня 2000). — Дніпропетровськ, 2000.
15. *Rassamakin J.* Die Statuetten des Serezlievka-Typs und zum Problem des Beginns der Bronzezeit in der nordpontischen Steppe//Zwischen Karpaten und Agais. Neolitikum und altere Bronzezeit. Gedenkschrift für Viera Nemejcova-Pavukova. (Hrsg. B. Hansel), Internationale Archäologie. Studia honoraria 21. — Rahden/Westfalen, 2004.
16. *Klochko V., Kozko A., Szmyt M.* A Comparative Chronology of the Prehistory of the Area between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC//BPS. — Vol. 7: The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper. — Poznac, 1999.
17. *Петренко В. Г.* Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье//История и археология Нижнего Подунавья. Тез. докл. науч.-практ. семинара. — Рени, 1989.
18. *Manzura I. V.* The East-West Interaction in the Mirror of the Eneolithic and Early Bronze Cultures in the Northwest Pontic//Revista Archeologica. — 1993.
19. *Rassamakin Y.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC//Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe/Levine M., Rassamakin Yu., Kislenco A., Tatarintseva N. (Introd. by C. Renfrew). McDonald Institute Monograph. — Cambridge, 1999.
20. *Тесленко Д. А.* О двух традициях в эволюции мегалитических сооружений эпохи энеолита — ранней бронзы в Степном Поднепровье//Гуманитарный журнал. — 2003. — № 1 (17).
21. *Массон В. М.* Взаимодействие древних культур и цивилизаций как фактор исторического прогресса//Археологические изыскания. — Вып. 13: Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. — СПб., 1994.
22. *Андросов А. В., Яременко И. И., Матюшенко Д. В.* Курганы эпохи энеолита — бронзового века каменского поля//Исследования по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. трудов/Отв. ред. И. Ф. Ковалева. — Днепропетровск, 1990.
23. *Ковалева И. Ф.* Усть-Каменский курган в системе древностей Степного Приднепровья//Історія та культура Подніпров'я: Зб. наук. праць/Відп. ред. О. Ф. Нікілев. — Дніпропетровськ, 1998.

Summary

D. Teslenko. About the post-Mariupol/Kvityana burials in the stone tombs

In the paper the problem of cultural attribution of the Late Eneolithic “stretched” burials in the stone tombs concentrated on the territory between the Dnieper and Ingulets rivers is analyzed. The author comes to a conclusion that the stone constructions (stone tombs, cromlechs, stelaes) are overcultural feature. Stone tombs as a feature of burial rite correlated with increased labor expenses and prestigious things. In the author’s opinion in these tombs the persons with high social status are buried.

During the period synchronous the Tripolie C II stage the integration of various cultural groups, such as Lower Mikhailovka, post-Mariupol, post-Stog, took place on this territory. But the process of formation of new cultural phenomenon was not completed. According the author only the some parts of ancient population were included in this process. The elite of steppe population save the “clear” features of rite.

